

СТАРЫЙ ДРУГЪ

РОМАНЪ.

XXIII *).

Поѣздъ ушелъ, и платформа опустѣла. На ней оставался еще нѣкоторое время только Никодимъ Павловичъ.

Странное чувство испытывалъ онъ, всматриваясь въ черную мглу сентябрьскаго вечера (поѣздъ гремѣлъ вдали, красный фонарь его быстро потухалъ, превращаясь постепенно въ точку): точно кто взялъ Никодима Павловича за плечи, надавилъ колѣномъ въ грудь и любитъ его безсиліемъ. (Наконецъ, поѣздъ совсѣмъ исчезъ.)

Никодимъ Павловичъ нахлобучилъ шляпу и вошелъ въ залъ. Лакеи тушили огни. Онъ подошелъ къ буфету и выпилъ водки („для храбрости“, машинально сказалъ онъ себѣ).

„Зачѣмъ она бросила мои азалии?—думалъ онъ.—Конечно, это могло случиться нечаянно, но почему же именно случилось?“

Онъ вернулся домой. Пока онъ звонилъ, онъ, съ тѣмъ преувеличеннымъ сожалѣніемъ къ себѣ, какое по временамъ пробуждается у пожилыхъ холостяковъ, думалъ о своей квартирѣ, о своемъ одиночествѣ, о томъ, что онъ никому не нуженъ и всѣми забытъ.

Захаровна, со свѣчей въ рукѣ, отворила дверь и пугливыми старыми глазами глянула на барина,—онъ ли это?

— Съ вѣнчанья, Никодимъ Павловичъ?

— Молчи, Захаровна! Дай мнѣ пить, матушка!

*) См. выше: сент., 312 стр.